

Ю.Л.Ситько

ЗНАКОВЫЕ СИТУАЦИИ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ СОБЫТИЯ КОММУНИКАЦИИ

Рассматриваются проблемы квалификации составляющих семиозиса (знаковой ситуации) как означающего и означаемого в зависимости от момента реализации их во времени. Поставленная проблема решается привлечением интерпретации составляющих знака в концепции Пирса через априорное понятие времени. Это позволяет прийти к выводам о свойствах коммуникации, задаваемых семиозисом.

Ключевые слова: знак, знаковая ситуация, теория коммуникации, индекс, икона

Эта статья имеет своим предметом только знаковую коммуникацию, то есть такую, при которой состояния соучастников деятельности связаны и даже взаимосвязаны, но изменяются без непосредственного их взаимодействия, например, механического. Собственно, основная сложность определения коммуникации и заключается в том, как информация переходит от одного субъекта к другому без их непосредственного взаимодействия метафизическим образом. Именно метафизический характер коммуникации находится в фокусе этой работы.

Не будет беспочвенным обобщением утверждение, что современные модели коммуникации восходят к идеям К.Бюллера, изложенным в его работе “Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache” (Jena, 1934). Появившись в эпоху противостояния идеализма в виде феноменологии и материализма в виде бихевиоризма, модель коммуникации К.Бюллера отторгает язык как коммуникативный код от адресата и адресанта, лишая его психологичности и метафизичности, которые были признаками ненаучности для феноменологов и бихевиористов, и помещает язык-код в не менее метафизическое место — вне участников коммуникации. В итоге у К.Бюллера получилась трехчастная модель коммуникации, в которой 1) адресат, 2) адресант и 3) код (вместе с предметами и ситуациями) выступают как равноправные факторы коммуникации, представляемой как неулавливаемый и потому неуловимый процесс между этими тремя.

Эта идея была подхвачена Р.О.Якобсоном. В его статье “Linguistics and Poetics” [1] изложена модель речевой коммуникации, смысл которой классик структурализма видел в определении всего разнообразия возможных предназначений, функций, языка, которое реализуется в *искусстве*, представляемом как высшая форма знаковой коммуникации. Пределами речевой коммуникации Р.О.Якобсон видел адресанта и адресата как причину и результат коммуникации. И именно потому, что адресат и адресант суть пределы, их внутренние психические акты в сущности оказались у Р.О.Якобсона вне границ коммуникации. Зато в коммуникацию вовлеклись ее условия — доступный участникам коммуникации контекст и присущий им обоим код. Код и контекст, объявленные объективными факторами коммуникации, трансформируют сообщение, что проявляется, по Р.О.Якобсону в отклонениях в коммуникации, позволяющих продемонстрировать те или иные возможные функции языка.

Именно в объективизации кода и контекста коммуникации проявляется феноменологический пафос концепции Р.О.Якобсона, который развил У.Эко, предложивший влиять на коммуникантов, изменяя код, и на который так четко указал Ж.Бодрийяр: «Будучи специально формализованной Р.О.Якобсоном, она берёт в качестве исходной единицы следующую последовательность: Передающая инстанция — сообщение — принимающая инстанция (кодирующая инстанция — сообщение — декодирующая инстанция), где сообщение структурировано кодом и определено контекстом» [2, с. 251]. Отметим, что постмодернисты пошли еще дальше по путям К.Бюллера и Р.О.Якобсона, изъяв из коммуникации субъекта как творческое начало, и заменили его на функцию комбинации фрагментов кода (Деррида, Делез, Гваттари), а потому коммуникация стала совершенно бессубъектной и объективной, превратившись в посредничество между двумя воображаемыми точками.

Фактически последователи Р.О.Якобсона наделяют условия коммуникации интеллигибельностью, но лишают интеллигибельности ее участников, а саму коммуникацию представляют как процесс между ее редуцированными участниками.

Гипотеза

Наша точка зрения прямо противоположна: мы считаем, что интеллигибельны участники коммуникации, а условия, воздействующие на них интеллигибельны *ограничено* и лишь настолько, насколько доступны участникам коммуникации. На этом основании возьмем смелость утверждать, что каждый участник коммуникации порождает некую идеальную знаковую ситуацию, известную еще древности под именем *семиозиса* (Гален из Пергама, Секст Эмпирик), так, что сигнал является следствием знаковой ситуации говорящего и причиной знаковой ситуации слушающего.

Априорные характеристики знаковой ситуации

Знаковая ситуация становилась предметом размышлений многих исследователей (среди них следует назвать Г.Фреге, Ч.Морриса, Ч.Огдена, И.Ричардса, и работы позднего Л.Витгенштейна), общим местом которых является представление о ней как об *опосредованном* (кодом, смыслом, значением, понятием, языком или его единицей и т.д.) *временном отношении* «знака» (имени, означающего) к означаемому (денотату, референту). Собственно, временной характер и делает код как инвариантный знак, потенциально опосредующий отношения между означаемым и означающим, знаковой ситуацией. Отметим, что приведенный список признаков знаковой ситуации или знака объединяет большинство существующих семиотических концепций.

Временное отношение между знаком и его означаемым в знаковой ситуации было понятно и очевидно еще древним. Означающее по Сексту Эмпирику как неявно соотнесенная с означаемым сущность по признаку отношения ко времени наблюдения делится тройко: «одни неявны раз навсегда, другие — по природе, третьи — для известного момента» [3, с. 178]. Означающим, «которые неявны до известного момента» сопоставлены знаки «показательные», а означающим, скрытым по природе, сопоставляются знаки «вспоминательные». Кажется, основной шаг, который сделал Ч.Пирс по сравнению с Секстом Эмпириком, это попытка ввести в систему третий знак, символ, которому соответствует означающее «раз навсегда неявными <...>, которые никогда не могут стать объектом человеческого постижения, как, например, четное или нечетное число звезд и количество песка в Ливии» [3, с. 178]. Ясно, что именно пессимизм Секста Эмпирика заставлял его принципиально отличать раз навсегда неизвестное «четное число звезд» от по-природе неизвестных «устанавливаемых мыслью пор в теле и постулируемой некоторыми физиками беспредельной пустоты вне мира» [3, с. 178]. Сходной позиции придерживался через много веков и И.Кант, по мнению которого знаки по отношению к означаемому во времени делятся уже на три вида: «по времени отношение знаков к обозначаемым вещам можно определить как демонстративное, напоминающее или прогностическое» [4, с. 217]. Мы чувствуем себя в праве принять положение о временном отношении означающего и означаемого.

Рассмотрим априорные следствия из такого обобщенного взгляда на знаковую ситуацию.

Знаковая ситуация — негативное по содержанию отношение

Означаемое и означающее знаковой ситуации разнородны, они ни противоречат друг другу, ни должны быть необходимо противоположностями, они не должны ни обладать общими признаками, ни лишены этих признаков обязательно. Поэтому означаемое и означающее могут не иметь ничего общего.

Составляющие знаковой ситуации не части одной субстанции

Отсутствие общей части (общих признаков) у знака и означаемого, с одной стороны, исключает между ними категорическое отношение (представление о них как о частях неизменной субстанции), поскольку тогда бы одно из них включало бы в себя другое, что противоречит идее знака как произвольно связанного со своим означающим.

Составляющие знаковой ситуации не части одного процесса

С другой стороны, означаемое и означающее могут даже не иметь общих признаков, поскольку если бы они имели общие признаки, то они могли бы быть представлены как события, связанные причинно-следственными отношениями, как составляющие одного объективного процесса (представление об отношении означаемого и означающего как о процессе). Отметим, что означающее и означаемое в знаковой ситуации по определению не находятся в причинно-следственных отношениях.

Таким образом, отношение в знаковой ситуации между означающим и означаемым не может быть представлено ни как субстанция (отношение включения), например, система, ни как процесс (отношение импликации).

Отношение означающего к означаемому во времени

Единственная позитивная составляющая знаковой ситуации — формальное отношение между означаемым и означающим во времени.

Отношение означающего и означаемого во времени позволяет их соотнести либо как одновременные (категорическое отношение, включение), либо как разновременные (процессуальное отношение, импликация) так, что означающее либо **одновременно** означаемому, либо **следует за ним во времени**.

Это заставляет предположить, что отношение означающего к его означаемому во времени *случайно*.

Код знаковой ситуации

В условиях описанного исключения системных и причинно-следственных связей означаемого и означающего избежать случайности их следования в материальной форме времени можно только введя *идеальное*, которое их бы связывало, и потому делало их отношение *необходимым*.

Отношение кода к знаковой ситуации

Отношение означающего и означаемого как материальных составляющих знаковой ситуации к *идеальному*, которое мы далее предпочитаем называть *кодом*, так же негативно, но только относительно времени.

Идеальный код целиком или своими частями соотносится с означаемым и означающим знаковой ситуации вне времени, поскольку может быть приложен не только к бывшей, но и к будущей, еще не существующей, знаковой ситуации.

Позитивной же составляющей отношения означающего и означаемого к коду является то, что код должен иметь в себе нечто общее и с означающим, и с его означаемым. Такое общее носит негативный *невременной* характер. В конкретной же знаковой ситуации это общее разворачивается во времени, возможно, даже в виде причинно-следственной связи.

Изложенное позволяет перейти к рассмотрению коммуникации как отношения двух знаковых ситуаций.

Коммуникация как отношение двух знаковых ситуаций

Поскольку единственный признак, так или иначе соотносящий составляющие знаковой ситуации, это время, мы можем обратиться к вопросу о временной структуре знаковой ситуации, для чего рассмотрим задел, созданный по этому вопросу Ч.С.Пирсом.

С точки зрения логики, как это продемонстрировал Ч.С.Пирс, семиозис, знаковая ситуация, есть опосредованное умозаключение, в котором посылки связаны не наличием общих признаков (общностью «универсума»), а волей субъекта семиозиса. По форме знак есть ошибочное умозаключение, а по сути — произвольное, поэтому для логика, каким был Ч.С.Пирс, знак может рассматриваться только по его *формальным характеристикам*. Именно формальную классификацию знаков он и предложил.

Ч.С.Пирс наделил знак как форму человеческого опыта 1) отношением ко времени, 2) модальностью (отношением к источнику познания) и 3) отношением к идеальному, то есть к познавательной способности (интерпретанта).

Мы утверждаем, что в концепции Ч.С.Пирса отношение означающего-знака (Обратим внимание на то, что Ч.С.Пирс последовательно отождествлял и использовал как синонимы термины *знак* и *репрезентамен* (последний, по Ч.С.Пирсу, репрезентирует означаемое через свое отношение к нему) к *означаемому во времени* положено в основу деления знаков на *иконы* (означаемое одновременно означающему, совпадает со знаком во времени своего существования) и *индексы* (означаемое предшествует во времени своего существования означающему-знаку, а знак, соответственно, следует во времени после означаемого): “I confine the word *representation* to the operation of a sign or its *relation* to the object for the interpreter of the representation. The concrete subject that represents I call a sign or a *representamen*” [5], “Possibly there may be Representamens that are not Signs” [6]; “It is the science of what is quasi-necessarily true of the representamina of any scientific intelligence in order that they may hold good of any object, that is, may be true” [7]. Поэтому иконы сходны с означаемым во времени субъекта, а индексы — несходны, но воздействуют на субъект.

Аналогично отношению знака (означающего) к *источнику познания*, мы убеждены, положено на деление знаков на *квалисигны* (знак-означающее соотнесено с самим субъектом познания, с его способностью воображения, а потому по модальности *возможно*; видимо, Ч.С.Пирс называл такие означающие, имея в виду то, что самим фактом своего положительного присутствия в опыте как качества, они связаны с позитивным означаемым) и *синсигны* (знак-означающее соотнесен с реальностью и выделен в ней, выступая как аффицирующий субъекта знаковой ситуации сигнал, а потому *действителен*).

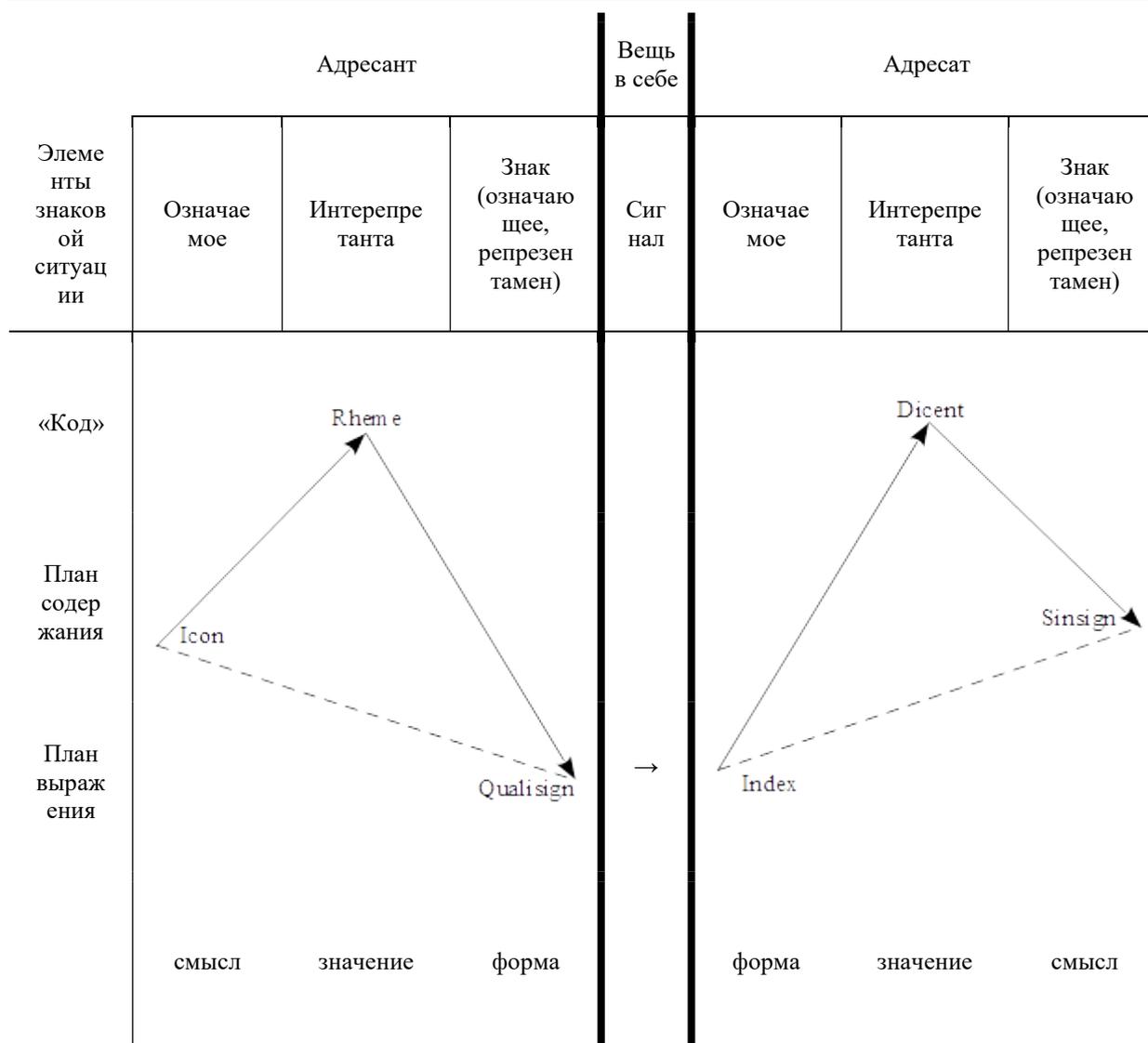
Наконец, по отношению к познавательной способности знак может быть либо ремой как *спонтанное непосредственное отношение*, либо дицентом как *детерминированное непосредственное* отношение означающего с означаемым¹. Именно в этих значениях употреблены термины в приводимой ниже схеме коммуникации.

Отношение знака к означаемому во времени

Схема коммуникации

Из гипотетического определения коммуникации как отношения двух знаковых ситуаций, объединенных сигналом и приведенных определений составляющих знаковых ситуаций можно построить диаграмму, демонстрирующую свойства так понятой коммуникации.

¹ Мы сознательно и намеренно избегаем в этой работе упоминания и интерпретации третьих элементов триадических серий терминов Ч.С.Пирса, поскольку их толкование требует введения промежуточных положений, очень сильно выходящих за пределы предмета этой работы. Вместе с тем отметим, что синтез пар понятий дает третий элемент триады.

Коммуникация осуществляется *адресатом с адресантом*, причем и адресант, и адресат, с нашей точки зрения, по определению *разумны* и *субъектны*, а не с интеллигибельным миром объектов как вещей к себе, поэтому мы не сходимся как со структуралистами (например, с Р.О.Якобсоном, который объективизировал субъекта коммуникации²), так и с постмодернистами (например, Делез и Гваттари, которые элиминируют идею субъекта из своих систем). Таким образом, мы считаем любую коммуникацию творческой по своему первичному началу, а не репродуктивной. Коммуникация как процесс *однонаправленна во времени* адресата, а взаимное общение является особым случаем, который мы в данной работе не рассматриваем.

Сказанное позволяет сделать определенные выводы.

Выводы

1. Разумность адресата и адресанта позволяют приписать им внутреннюю организованность.
2. Адресанта и адресата в силу положения о его внутренней организации можно представить как произвольное (не причинно-следственное) идеально опосредованное отношение плана содержания к плану выражения.
 - 2.1. Организация адресанта и адресата двойка: в форме пространства и в форме времени³.
 - 2.1.1. Организация в форме времени является однонаправленным континуумом (в таблице отображается направлением от боковика вправо и представляет последовательную смену друг друга элементами опыта, а в данной таблице — элементами знаковой ситуации).

² «Смерть автора» значит, что художественная коммуникация представляет собой квазикоммуникацию и автокоммуникацию адресанта с воображаемым адресатом. Этот случай чрезвычайно важен для определения коммуникативных процессов в пределах субъекта между его воображаемыми внутренними коммуникативными ролями, но настоящая работа не ставит себе такой цели.

³ Под пространством и временем мы понимаем базовые формы опыта как они описаны в «Критике чистого разума» И.Канта.

2.1.2. Организация в форме пространства является разнонаправленным континуумом между идеальным и материальным как полюсами опыта (в таблице отображается направлением по вертикали от идеального (сверху) к материальному (снизу), которым в боковике таблицы соответствуют строки «код» и «план выражения», символизирующие идеальный и материальный полюсы опыта).

2.1.3. Синтез материального и идеального составляет область между ними (в боковике таблицы представлен как «план содержания»). Стоит заметить, что план содержания адресанта в рамках коммуникации недетерминирован, хотя очевидно, что шире, в опыте вообще, он может и должен быть детерминирован.

2.2. Между адресантом и миром вещей в себе, включающим в себя и адресата, лежит трансцензус, переход от субъективного к объективному, выход из сферы сознания в сферу объективного мира, как предел (гуманитарного) познания (в таблице изображается двойной жирной вертикальной чертой). Можно заметить, что план содержания адресанта должен быть ограничен и во времени (причиной), и в определенных случаях трансцензусом, что трудно изобразить в таблице. Однако такая ограниченность выводит за пределы ситуации коммуникации в опыт вообще.

3. Отношение плана содержания адресанта к плану выражения таково, что план содержания включает во время своего существования план выражения, поэтому план содержания выступает как субстанция по отношению к плану выражения. Поэтому мы можем представить план содержания как постоянный во времени адресата предмет, а план выражения — как ограниченное пределом во времени адресанта событие. Вместе с тем, следует понимать, что план содержания и план выражения непосредственно связаны собой только отношениями во времени и более ничем. Таковую «одновременность» существования мы отождествляем с иконичностью Ч.С.Пирса.

3.2. Отношение плана содержания и плана выражения опосредовано идеальной сущностью, которую Ч.С.Пирс называл интерпретантой, Ф. де Соссюр языковым знаком, а мы называем кодом. Из этого следует, что на диаграмме вертикальное направление изображает идеальную опосредованность составляющих знаковой ситуации и может рассматриваться как степень их идеальности / материальности.

Знак адресанта выступает в качестве формы выражения означаемого и потому наделяется им свойством бытия, качественного соответствия означаемому, что в терминах Ч.С.Пирса соответствует квалисигну.

3.3. Результатом означивания адресантом своего замысла является *знак*, одновременный в субъективном времени адресанта замыслу и непосредственно каузирующий сигнал, который базируется на коммуникативной гипотезе.

4. Условием коммуникации является *коммуникативная гипотеза* — предположение и вера адресанта в то, что адресат существует, что он подобен адресанту (коммуникативная гипотеза, ср. с коммуникативной теорией разума Ю.Хабермаса).

4.1. Из коммуникативной гипотезы следует предположение адресанта, что адресат имеет такой же код и такой же трансцензус (в таблице изображается двойной вертикальной чертой).

4.2. Адресат и адресант осуществляют в процессе коммуникации два взаимно противоположных действия по установлению соответствия материальной формы идеальному смыслу: адресант воплощает в материальной форме идеальный смысл (содержание), а адресат — трансформирует материальную форму в идеальное содержание.

5. Адресат использует сигнал в качестве означаемого своей им самим создаваемой коммуникативной ситуации, в которой код опосредует отношение между означаемым и знаком. Такое действие адресата есть понимание.

6. Результатом понимания (означивания как раскодирования) материального сигнала является его индивидуальный единичный смысл, который является *знаком сигнала*, каузивовавшего означаемое адресанта.

Между означаемым и знаком адресанта можно допустить отношения одновременности (иконичности), однако сигнал и знак адресата следуют во времени, поэтому знак является индексом сигнала, указывая на него, но вместе с тем различаясь по способу своего существования для адресата (знак не выражает, а является *продуктом понимания*).

7. Исходной точкой коммуникации следует признать замысел представленный в нашей схеме в качестве означаемого адресанта, которому соответствует как конечная точка коммуникации знак адресата, результат его индивидуального понимания. И означаемое адресанта и знак адресата соответствуют плану содержания коммуникации.

8. План выражения в коммуникации реализуется соответственно как иконический знак адресанта и как индексированное означаемое адресата. Оба они, несмотря на разницу своего семиотического статуса, смежны в опыте с сигналом и в какой-то степени с ним соотносятся (определение параметров этих соотношений, думается, может быть понято как финальная цель нейронаук).

9. Код в коммуникации как опосредующая знак и означаемое семиотической ситуации метафизическая сущность, как это видно из таблицы, симметрична. Поэтому, можно предполагать, что в ситуации *автокоммуникации* код может работать как в направлении выражения, так и в направлении понимания означаемого.

1. Jakobson R. Linguistics and Poetics // *Style in Language* / Ed. T. Sebeok. Cambridge, MA: M.I.T. Press, 1960. P. 350-377.
2. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Пер. с фр. Д.Кралечкин. М.: Академический Проект, 2007. 335 с.
3. Секст Эмпирик. Две книги против логиков // Соч.: В 2 т. Т. 1 / Вступит, статья и пер. с древнегреч. А.Ф.Лосева. М.: «Мысль», 1975. С. 61-243.
4. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения (перевод М.Левиной) // Соч.: В 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 137-376.
5. Peirce C.S. *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Cambridge: Harvard University Press, 1931. Vol. 1. Principles of philosophy. § 540.
6. Peirce C.S. *The Essential Peirce. Selected Philosophical Writings*. Vol. 2 (1893—1913) / Peirce Edition Project. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998. P. 272-273.
7. Peirce C.S. *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Cambridge: Harvard University Press, 1931. Vol. 2. Elements of logic. § 229.

References

1. Jakobson R. Linguistics and Poetics. In: Sebeok T., ed. *Style in Language*. Cambridge, 1960, pp. 350-377.
2. Baudrillard J. Pour une critique de l'économie politique du signe. Paris, 1972. (Rus. ed.: *K kritike politicheskoy ekonomii znaka* Moscow, 2007. 335 p.).
3. Sekst Empirik. Dve knigi protiv logikov [Two books against the logicians]. In: *Works in 2 vols*, vol. 1. Moscow, 1975, pp. 61-243.
4. Kant I. Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya. In: *Works in 8 vols*, vol. 7. Moscow, 1994, pp. 137-376.
5. Peirce C.S. *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Cambridge, Harvard University Press, 1931. Vol. 1: Principles of philosophy, § 540.
6. Peirce C.S. *The Essential Peirce. Selected Philosophical Writings*. Vol. 2 (1893—1913) / Peirce Edition Project. Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 1998, pp. 272-273.
7. Peirce C.S. *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Cambridge, Harvard University Press, 1931. Vol. 2: Elements of logic, § 229.

Sitko Yu.L. Significant situations as parts of a communicative event. The problems of qualification of components of a semiosis (significant situation) as le signifié and le signifiant depending on the moment of their realization in time are considered. The issue is solved by applying apriori concept of time to the semiotic theory of Charles Sanders Peirce. This allows us to come to conclusions about the features of communication defined by semiosis.

Keywords: sign, sign situation, theory of communication, index, icon

Сведения об авторе. Юрий Леонидович Ситько — канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы филиала МГУ имени М.В.Ломоносова в г. Севастополе; *ORCID*: 0000-0001-6303-5022; *yurii.sitko@gmail.com*.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.05.2020. Принята к публикации 15.05.2020.